

УДК 130.2

Римский В.П.

(д. филос. наук, профессор)

Белгородский государственный институт искусств и культуры

(г. Белгород, РФ)

E-mail: rimskiy@bsu.ru

Римская О.Н.

(к. филос. наук, доцент)

Белгородский государственный институт искусств и культуры

(г. Белгород, РФ)

E-mail: olgarimskaja@rambler.ru

ПОНИМАНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА У К. МАРКСА И П. БУРДЬЁ

***Аннотация.** В статье предлагается культурно-антропологическое понимание интеллектуального труда как персонифицированного способа интеллектуальной деятельности конкретно-исторических, эмпирических индивидов, организованных в специфические социально институализированные группы. Интеллектуальный труд рассматривается как деятельность по производству идеального, как деятельное проявление габитуса индивида, принадлежащего к подобной социальной группе. Габитус понимается как культурное тело человека, которое образуется присвоенным культурно-историческим опытом, накопленным предыдущими поколениями людей.*

***Ключевые слова:** интеллектуальный труд, культурное тело, социальный опыт, габитус, культурный капитал.*

Маркс писал в «Капитале»: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя её, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти... Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима це-

лесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил. Простые моменты процесса труда следующие: *целесообразная деятельность, или самый труд*, предмет труда и средства труда (курсив наш – авт.)» [10, с. 188-189]. Итак, *целесообразная деятельность, по Марксу, и есть сам труд*. Но целесообразность, таким образом, в определённой мере есть то, что синонимично «интеллектуальному», и тогда первое, что напрашивается, так это различение труда «материального» и «интеллектуального», что будет противоречием в определении, так как и «материальный» труд содержит «интеллектуальность» (целесообразность) в той или иной мере, в скрытом или явном виде.

Очевидно, что здесь не будет тех диатрибических дихотомий, с которыми мы часто сталкиваемся – «материальное – идеальное», «субъективное – объективное» – и которыми последние триста лет озабочена вся европейская философия от Декарта до Хайдеггера и постмодернистов. Правда, ещё Гегель писал: «Теоретическое по существу содержится в практическом, их нельзя представить себе разъединёнными, ибо *невозможно обладать волей без интеллекта*. Напротив, воля содержит в себе теоретическое: воля определяет себя; это определение есть ближайшим образом нечто внутреннее: то, что я хочу, я представляю себе, оно есть для меня предмет... Но без воли невозможно также относиться теоретически или мыслить, ибо, *мысля, мы деятельны* (выделено нами – авт.)» [4, с. 69-70].

Эти тонкости в определении труда заметил и М. К. Мамардашвили, комментируя Маркса: «Именно Маркс ввёл в научный оборот ряд своеобразных предметов и эвристических схем мышления о сознании, впервые прорвавших рамки традиционной классической философии. При этом выявились такие стороны сознания, что стало уже невозможным говорить о философской инстанции «чистого сознания», самостоятельным, творческим агентом и центром которого является мыслящая, размышляющая, прозрачная для самой себя единица – индивидуальный человек. Сознание – это лишь одна из метаморфоз процессов объёмного, многомерного целого, лишь надводная часть айсберга. И рассматриваться оно

должно лишь вместе со своими скрытыми частями, в зависимости от них» [9, с. 296, 299].

Близкое понимание в это же время давал и Бурдье: «Из всех оппозиций, искусственно делящих социальные науки, самой фундаментальной и самой губительной является та, что противопоставляет субъективизм объективизму. Одного факта её беспрестанного возрождения в едва обновляющемся виде достаточно, чтобы увидеть, что различаемые ею способы познания одинаково необходимы для науки о социальном мире, которую нельзя свести ни к социальной феноменологии, ни к социальной физике. Для преодоления антагонизма, противопоставляющего эти два способа познания, и сохранения достижений каждого из них (не упуская того, что производит заинтересованное здравомыслие по поводу противоположной позиции), нужно показать предпосылки, свойственные им обоим как способам научного познания, зная, что последние сами противостоят способу практического познания, положенного в основу обыденного опыта социального мира» [2, с. 50-51]. Здесь очень важно, что Бурдье, вводя концепты «социальный опыт», «практический опыт», «габитус», «практики», «агент», пытался преодолеть субъект-объектную оппозицию и все другие, вытекающие из неё, в реальном, деятельном бытии конкретного человека.

С этим связан и такой момент, как абсолютизация в труде, материальном и интеллектуальном/духовном, моментов рефлексивности, рациональности, сознательности и целесообразности. «На практике для рационального расчёта, – делал вывод Бурдье, – почти никогда не бывает условий: время ограничено, информация неполная и т.д. И, тем не менее, агенты значительно чаще, чем по случайности, делают то «единственное, что можно сделать». Это потому, что, поддаваясь интуиции «практического чувства», являющегося продуктом длительного предъявления условий, сходных с теми, в которых находятся агенты, они предвосхищают имманентную необходимость, существующую в данный момент в мире» [3, с. 24]. При этом целесообразность и практическая рациональность человеческого труда фактически очень часто и сводятся к наукообразной рациональности, рефлексивности и сознательности, рационализм и целесообразность деятельного человека моделируются по схемам научно-логической рациональности, т.е. способа деятельности самого агента интеллектуальной/духовной деятельности. Хотя в реальной деятельности человека, а тем более специфических

социальных групп (интеллектуалов и интеллигентов) и институтов, «рациональное» и «волевое», экзистенциальное и ценностное, никогда не бывают разделены, а выступают в *органической целостности* духовной деятельности и интеллектуального труда.

Интеллектуальным при этом является не просто труд по производству сознания, на что делают упор авторы, интерпретирующие Маркса [см.: 8], а деятельность *по производству идеальных продуктов*, идеального. «Идеальное» характеризуется не только «пересадкой» в человеческую голову «материального», а более сложными способами социального бытия. «Чистые формы» идеального и существуют как формы человеческой универсальной деятельности: материально-предметной, коммуникативной, знаково-символической, дискурсно-концептной, эмоциональной, игровой, мыслительно-волевой, эстетической, религиозной, нравственной, которые и проявляются как *ипостаси идеального*. Здесь мы и должны, исследуя «живого человека» и «реальную культуру», высветить ту сложную гамму структурно-функциональных и процессуальных определений духовной жизни общества, которая её характеризует как конкретно-историческую целостность, заданную стихией индивидуального сознания, погружённого как в культурно-историческую субстанцию человеческого бытия, так и в утончённый «эфир» духовного творчества и идеологической рефлексии. Именно при таком понимании *производства идеального* мы уходим от сведения *интеллектуального труда* лишь к «сознательной», «целесообразной» и «рациональной» деятельности и выходим на его понимание как *субстанции духовного производства*.

Таким образом, понятие «интеллектуальный труд» может трактоваться в философско-методологическом плане, как *персонифицированный способ интеллектуальной деятельности конкретно-исторических, эмпирических индивидов, организованных в специфические социальные, институализированные группы*. Такие персонифицированные и институализированные способы интеллектуальной деятельности могут быть и не вполне рациональными, а порой даже очень иррациональными, что предполагает обращение к онтологическим основаниям жизнедеятельности человека.

Первичное и самое глубинное основание онтологии человека коренится в его «телесном» и культурном *производстве в семье*: от факта биологического рождения человека от конкретных родите-

лей до его вступления в самостоятельную жизнь путём воспитания и самовоспитания, что также является специфическим трудом, в котором «люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*» [11, с. 27]. В результате этого *специфического труда по производству и воспроизводству личности* мы и получаем не марионеточного «актора», производного от социальных структур, а живого, конкретно-исторического человека как субъекта деятельности, агента-деятеля* и автора (интеллектуала по преимуществу), укоренённого в *многообразии культурных практик* (нет абстрактной практики «вообще»), который в его *неповторимой индивидуальности*, связанной с нераздельностью «игры физических и интеллектуальных сил», вступает в мир и общество, в общественное производство, занимаясь тем или иным видом труда, материального или интеллектуального.

Здесь формируется и то неповторимое *культурное тело человека* – «габитус» (от латинского «habitus» – внешность, наружность, вид). Концепт «габитус» в своих философских текстах употребляли и Гегель, и Гуссерль, но приобрёл он популярность в контексте социологии культуры и культурной антропологии (М. Мосс, Н. Эллиас и П. Бурдьё). Габитус, если отталкиваться от его понимания в контексте работ Бурдьё, это не просто природная «внешность», «наружность» человека, а система ментальных диспозиций (диспозиция – расположение, установка, предрасположенность личности), «приобретенных в результате опыта, следовательно, изменяющихся в зависимости от места и времени» [3, с. 21-22], система «приобретённых схем, функционирующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принципы классификации и, одновременно, как организующие принципы действия» [3, с. 28], «принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на

* Кстати, Бурдьё именно в этом смысле вводит понятие «агента», как социально деятельного человека (с французского «agent» и переводится как «действующий»). Но данное понятие постоянно встречается в работах Маркса, как ранних, так и зрелых.

неё и непреходящее овладение необходимыми операциями по её достижению» [2, с. 103]. Это *социально конституированная природа конкретного человека*, в которой очень трудно разорвать биологическое и социальное, природное и культурное, телесное и ментальное, почти невозможно различить сознательное и бессознательное, рациональное и иррациональное, логическое и волевое, субъективное и объективное, интеллектуальное и духовное.

Бурдье в этой связи писал: «Будучи продуктом инкорпорации объективной необходимости, *габитус*, – необходимость, ставшая добродетелью, – производит стратегии, которые оказываются объективно подогнанными к ситуации, несмотря на то, что не являются ни продуктом сознательного устремления к целям, явным образом основанным на адекватном знании объективных условий, ни продуктом механической детерминации какими-то причинами. Действие, движимое «чувством игры», имеет все проявления рационального действия, которое мог бы нарисовать беспристрастный наблюдатель, имеющий всю необходимую информацию и способный рационально ею оперировать. И, тем не менее, не разум лежит в его основании» [3, с. 23-24]. И отмечал, что *габитус* «поддерживает с социальным миром, продуктом которого является, настоящее *онтологическое соучастие, принцип знания без сознания* (выделено нами – авт.), интенциональности без интенции и практического освоения закономерностей мира, который позволяет предвосхищать будущее, даже не нуждаясь в том, чтобы полагать его как таковое» [3, с. 24]. *Габитус*, как *культурная телесность человека*, персонификация его деятельного бытия, не сводимая ни к «социальному», ни к «биологическому», но и не отрицающая их, формируется в процессе воспитания и самовоспитания в семье, составляет первичную предпосылку бытия человека – *культурный и человеческий капитал*, онтологический и исторический базис, опираясь на который человек действует в истории и своей индивидуальной жизни, проектируя самостные стратегии и проект личной судьбы.

При этом труд, который осуществляет конкретный индивид и социальные организмы, наделённые «культурной телесностью», может носить и носит и «целесообразный», и «сознательный» характер, хотя при этом *агентом труда*, деятельным индивидом, не ставятся «осознанные цели». «Нельзя совершенно исключить и то,

– пишет Бурдьё, – что реакции габитуса могут сопровождаться стратегическим расчётом, в стремлении сознательно осуществлять операцию, которую габитус реализует иначе (т.е. оценивать шансы), что предполагает преобразование прошлого результата в расчётную цель» [2, с. 103-104]. Даже занимаясь интеллектуальным трудом, человек необязательно должен осознавать и рационально рефлексировать цели собственной деятельности, но может ставить перед собой совершенно иллюзорные задачи, действуя при этом вполне в русле *практической рациональности*, научной, эстетической, нравственной, религиозной или идеологической (т.е. «духовной» в понимании современных авторов).

Индивиды и включаются во всеобщий труд конкретно-исторического общества в качестве «габитусов» – *капитала* и «*собби*» (собственности) [см.: 1; 5; 6], – сформированных универсальным трудом предыдущих поколений (в том числе *собственных* родителей и родного этноса), творцов истории, как специфические «культурные тела» и организмы по производству всеобщих связей в идеальной форме. Бурдьё писал: «В этом качестве инкорпорированной истории, ставшей натурой и тем самым забытой как таковая, габитус есть деятельное присутствие всего прошлого, продуктом которого он является; следовательно, он есть то, что придаёт практикам их *относительную независимость* по отношению к внешним детерминациям непосредственного настоящего. Эта автономия прошлого действовавшего и деятельного, которое, функционируя как *аккумуляированный капитал* (выделено нами – авт.), производит историю с незапамятных времён и обеспечивает таким образом непрерывность в изменении, которая делает индивидуального агента миром в мире» [2, с. 110]. Габитус как бытие самого человека в его «особности» и «собственности» здесь-и-сейчас (как присутствия, Dasein Хайдеггера) можно рассматривать не только как продукт всеобщего интеллектуального труда, но и как его предпосылку и условие, созданные трудом предшествующих поколений, как *культурный капитал*. Именно здесь и происходит формирование индивидуальных связей людей во всеобщей, общественной идеальной форме.

Конкретный живой человек (габитус) и воплощает в себе тот *первичный культурный (и человеческий) капитал*, с которым он вступает в систему трудовой деятельности, материальной или интеллектуальной: «На деле это лишь характерные структуры одного

определённого класса условий существования, которые через экономическую и социальную необходимость, давившую на них в относительно *самостоятельном мире домашней экономики и семейных отношений* (выделено нами – авт.), а точнее говоря – через собственно семейные проявления этой внешней необходимости (форму разделения труда между полами, мир предметов, способы потребления, отношение к родителям и т.п.) формируют структуры габитуса, которые, в свою очередь, лежат в основе восприятия и оценивания всякого последующего опыта» [2, с. 105-116]. Здесь следует отметить, что Бурдье имеет в виду не только индивидуальные, но и *коллективные габитусы*.

Понимая габитус как *культурное, идеальное тело человека*, включенного в системы совместного и всеобщего труда, надо отметить, что именно во всеобщем труде снимаются все основные классические оппозиции. При этом деятельный индивид, обладающий неповторимой *культурно-идеальной органичностью*, выступает как отдельный, *персонализированный габитус*, так и *коллективный*, включённый в коллективные организмы и практики по производству различных форм капитала: экономического и культурного (символического, человеческого, интеллектуального).

Список литературы

1. Бибихин В.В. Собственность. Философия *своего*. СПб., 2012.
2. Бурдье П. Практический смысл. СПб., 2001.
3. Бурдье П. Начала. Choses dites. М., 1994.
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
5. Даль В. Капитал // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание, под. ред. проф. Бодуэна-де-Куртенэ. Том второй. И–О. СПб. М., 1905. С. 216.
6. Даль В. Сось // Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. Третье, исправленное и значительно дополненное издание, под. ред. проф. Бодуэна-де-Куртенэ. Том четвёртый. С–V. СПб. М., 1909. С.342.
7. Дискурсы власти: коллективная монография. Орёл, 2015.
8. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
9. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990.
10. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 23. – М., 1960.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Соч. Изд. второе. Т. 3. – М., 1962.

V. P. Rimskiy

(PhD., Professor)

Belgorod state Institute of arts and culture

(Belgorod, Russia)

E-mail: rimskiy@bsu.ru

O. N. Rimskaya

(Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor)

Belgorod state Institute of arts and culture

(Belgorod, Russia)

E-mail: olgarimskaja@rambler.ru

INTERPRETATION OF K. MARX'S AND P. BOURDIEU'S INTELLECTUAL WORKS

Annotation. *The article deals with cultural and anthropologic interpretation of intellectual work as a personified intellectual activity of concrete-historical empiric individuals that form certain socially stable parties. Intellectual work is analyzed as an activity aimed at the development of ideal concepts and as an active representation of individual's dispositions (habitus). Habitus is interpreted as a cultural background based on the culture-historical experience accumulated by antecedent generations.*

Key words: *intellectual work, cultural background, social experience, habitus, cultural capital*